

1

Я возвращался домой из школы вместе с мамой. Она держала меня за руку. В другой руке я сжимал свой рисунок — индейку, которую мы рисовали в первом классе за неделю до Дня благодарения. Я чертовски гордился своей индейкой. Делалась она так: ты клал руку на кусок картона и обводил мелком. Получались туловище и хвост. А голову ты дорисовывал сам.

Я показал маме индейку, и мама сказала «ага-ага» и «да-да-да, очень круто», но вряд ли она ее видела по-настоящему. Наверняка думала о чем-то другом. Может быть, о какой-то из книг, которые пыталась продать. «Продвинуть продукт», как она это называла. Мама, чтобы вы понимали, была литературным агентом. Изначально агентство принадлежало ее брату, моему дяде Гарри, но перешло к маме за год до описываемых событий. Это долгая и совсем невеселая история.

— Я ее сделал зеленой, потому что это мой любимый цвет, — пояснил я. — Ты же знаешь, да?

Мы уже подходили к дому. Всего в трех кварталах от школы.

Мама сказала «ага-ага». И добавила:

— Когда придем домой, займись чем-нибудь, поиграй или посмотри «Барни» или «Волшебный школьный автобус». Мне надо сделать миллион звонков.

Теперь уже я сказал «ага-ага», и мама ткнула меня пальцем в бок и улыбнулась. Я любил, когда она улыбалась — когда у меня получалось заставить ее улыбнуться, — потому что даже в шесть лет понимал, что мама слишком серьезно относится к жизни. Позже я выяснил, что отчасти из-за меня. Она боялась, что я ненормальный. В тот день, о котором идет рассказ, она окончательно убедилась, что я все-таки не сумасшедший. С одной стороны, это было большим облегчением, но с другой — может, и нет.

— Ни с кем об этом не говори, Джейми, — сказала она позже в тот день. — Только со мной. А может, и со мной не говори. Хорошо?

Я сказал, хорошо. Когда ты еще маленький, во всем соглашаешься с мамой. Если только она не велит идти спать. Или доест брокколи.

Мы вошли в наш подъезд, и лифт все еще не работал. Можно сказать, что все было бы по-другому, если бы лифт уже починили, но мне так не кажется. Мне кажется, люди, утверждающие, что все в жизни зависит от нашего выбора, просто гонят пургу. Потому что, смотрите, в лифте или по лестнице, мы все равно поднялись бы на третий этаж. Когда в тебя тычет перст судьбы, все дороги ведут в одно место. Таково мое мнение. Может быть, с возрастом я его изменю, но скорее всего нет.

— Гребаный лифт, — сказала мама и быстро добавила: — Ты ничего не слышал, малыш.

— Чего не слышал? — спросил я, и мама опять улыбнулась. В последний раз за тот день. Я предложил взять у нее сумку с рукописью, довольно объемной, страниц на пятьсот (пока мама ждала меня после уро-

ков, она обычно читала на лавочке во дворе, если погода была хорошая). Мама сказала:

— Спасибо за предложение, но что я тебе всегда говорю?

— В жизни каждый несет свою ношу.

— Вот именно.

— Это Риджис Томас? — спросил я.

— Да, старый добрый Риджис, наш кормилец.

— Что-то про Роанок?

— Надо ли спрашивать, Джейми?

Я тихонько хихикнул. Старый добрый Риджис писал *только* про Роанок. Это была его ноша по жизни.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж, где было всего три квартиры. Наша, в конце коридора, была самой лучшей. Мистер и миссис Беркетты стояли у двери в квартиру 3А, и я сразу понял, что что-то случилось, поскольку мистер Беркетт курил сигарету. Я впервые увидел его курящим. К тому же у нас в доме было категорически запрещено курение. Глаза у мистера Беркетта покраснели, седые волосы стояли торчком. Я всегда называл его мистером, хотя на самом деле он был профессором и преподавал что-то умное в Нью-Йоркском университете. Английскую и европейскую литературу, как я выяснил позже. Миссис Беркетт была босиком и в одной ночной рубашке. Очень тонкой ночной рубашке. Мне были видны почти все ее женские прелести.

— Марти, что случилось? — спросила мама.

Прежде чем он успел ответить, я показал ему свою индейку. Потому что он был очень грустным и мне хотелось его развеселить, но еще и потому, что я гордился своим рисунком.

— Мистер Беркетт, смотрите! Я нарисовал индейку! Смотрите, миссис Беркетт! — Я поднял лист, держа его прямо перед лицом, чтобы миссис Беркетт не подумала, что я разглядываю ее прелести.

Мистер Беркетт не обратил на меня внимания. Я вообще не уверен, что он меня слышал.

— Тия, это такое горе... Мона скончалась сегодня утром.

Мама уронила к ногам сумку с рукописью и прижала ладонь ко рту.

— Нет! Скажите, что это неправда!

Мистер Беркетт заплакал.

— Она встала ночью, сказала, что хочет пить. Я потом сразу уснул, а утром смотрю: она лежит на диване, натянув одеяло до подбородка. Я на цыпочках прошел в кухню и поставил вариться кофе. Подумал, приятный запах ее ра-ра-разбу... разбудит...

Тут он разрыдался уже всерьез. Мама крепко его обняла, как обнимала меня, когда мне было больно, хотя мистеру Беркетту было, наверное, сто лет (семьдесят четыре, как я выяснил позже).

Вот тогда-то со мной и заговорила миссис Беркетт. Слышно ее было плохо, но не так плохо, как некоторых других, потому что она была еще «свеженькой».

— Не бывает зеленых индеек, Джеймс, — сказала она.

— У меня бывает, — ответил я.

Мама по-прежнему обнимала мистера Беркетта и как бы баюкала его в объятиях. Они не слышали миссис Беркетт, потому что вообще не могли ее слышать, а меня — потому что занимались своими взрослыми делами: мистер Беркетт рыдал, а мама его утешала.

Мистер Беркетт проговорил сквозь слезы:

— Я позвонил доктору Аллену, и он пришел и сказал, что у нее, видимо, случился угар. — По крайней мере, мне показалось, что он так сказал. Он так горько плакал, что я с трудом разбирал слова. — Он сам позвонил в похоронное бюро. Они ее увезли. Не знаю, как я теперь без нее буду жить.

— Если мой муж так и будет размахивать сигаретой, он подпалит волосы твоей маме, — сказала миссис Беркетт.

И конечно же, так и случилось. Я почувствовал запах паленых волос. Такой запах обычно бывает в парикмахерских. Мама вежливо промолчала, но разжала объятия, отобрала у мистера Беркетта сигарету, бросила ее на пол и затушила ногой. Я подумал, что так нельзя — нельзя мусорить в подъезде, — но ничего не сказал. Я понимал, что сегодня особый случай.

И еще я понимал, что если продолжу беседовать с миссис Беркетт, то наверняка напугаю мистера Беркетта. И маму тоже. Даже ребенок, если он не совсем слабоумный, способен уразуметь элементарные вещи. Не забывай говорить «пожалуйста» и «спасибо», не размахивай пиписькой у всех на виду, не жуй с открытым ртом и не разговаривай с мертвыми в присутствии живых, которые только начинают по ним скорбеть. Скажу в свое оправдание, что я не понял, что миссис Беркетт мертва, когда только увидел ее в коридоре. Позже я научился различать мертвецов, но тогда я еще этого не умел. Полупрозрачной была ночная рубашка, но не сама миссис Беркетт. Мертвецы выглядят в точности как живые, но всегда носят одежду, в которой умерли.

Мистер Беркетт тем временем пересказывал маме, как все было. Как он сидел на полу у дивана и держал

жену за руку, пока не приехал врач, а потом снова сидел и держал, пока не прибыл гробовщик и не увез ее в похоронное бюро. «Забрал ее», так он выразился, и я понял, о чем речь, только когда мама мне объяснила. И сперва я подумал, что речь идет о парикмахерской, возможно, из-за запаха маминых жженных волос, которые мистер Беркетт подпалил своей сигаретой. Он почти перестал плакать, но теперь вновь разрыдался.

— Ее кольца пропали, — проговорил он сквозь слезы. — И обручальное кольцо, и помолвочное, с большим бриллиантом. Я смотрел на тумбочке у кровати, обычно Мона клала их туда, когда мазала руки этим вонючим кремом от артрита...

— Крем и вправду не благоухает, — согласилась миссис Беркетт. — Ланолин — это, по сути, шерстяной воск, но он действительно помогает.

Я кивнул, чтобы она поняла, что я слушаю, но ничего не сказал.

— ...и на раковине в ванной, потому что она иногда оставляет их там... я смотрел *везде*.

— Они найдутся, — успокоила его мама и вновь обняла мистера Беркетта, потому что теперь ее волосам ничто не угрожало. — Они найдутся, Марти, не волнуйтесь.

— *Мне так ее не хватает! Мне уже ее не хватает!*

Миссис Беркетт помахала рукой у себя перед лицом.

— Не пройдет и полутора месяцев, как он пригласит на обед Долорес Магован.

Мистер Беркетт рыдал, моя мама его утешала, как утешала меня, когда я поцарапал коленку или пролил кипяток себе на руку, пытаюсь налить маме чаю. В общем, шум стоял на весь коридор, и я решился тихонько спросить:

— Где ваши кольца, миссис Беркетт? Вы знаете?

Мертвым положено говорить правду. В шесть лет я этого еще не знал; я был уверен, что *все* взрослые — и живые, и мертвые — всегда говорят только правду. Конечно, в то время я верил, что сказочная Златовласка — реальная девочка. Если хотите, считайте меня дурачком. Но я хотя бы не верил, что три медведя и впрямь говорили человеческим голосом.

— В шкафу в коридоре, на верхней полке, — сказала миссис Беркетт. — У задней стенки, за старыми альбомами.

— Почему там? — спросил я, и мама странно на меня посмотрела. С ее точки зрения, я разговаривал с пустым дверным проемом... хотя она уже знала, что я не такой, как другие дети. После случая в Центральном парке, жутковатого случая — о нем я еще расскажу, — я случайно подслушал, как в разговоре с редактором по телефону мама назвала меня «фейри». Я тогда страшно перепугался, потому что подумал, что она собирается переименовать меня в Фейри, а это какое-то девчачье имя.

— Не имею ни малейшего представления, — сказала миссис Беркетт. — Наверное, у меня уже случился удар. Все мои мысли утонули в крови.

Мысли утонули в крови. Никогда этого не забуду.

Мама спросила, не хочет ли мистер Беркетт зайти к нам выпить чаю («или чего покрепче»), но он сказал, нет, спасибо, он лучше еще раз поищет пропавшие кольца жены. Мама спросила, не занести ли ему еды из китайского ресторана, которую она собиралась заказать нам на ужин, и мистер Беркетт ответил, что это было бы здорово, спасибо, Тия.

Мама сказала *de nada** (это словечко она употребляла почти так же часто, как «ага-ага» и «да-да-да») и добавила, что мы занесем ему еду около шести вечера, если только он не захочет поужинать с нами, у нас. Он сказал, нет, спасибо, он хочет поужинать у себя дома, но будет рад, если мы составим ему компанию. Только, если дословно, он сказал не «у себя», а «у нас», как будто миссис Беркетт была еще жива. Но она была мертвой, хотя и стояла с нами в коридоре.

— Наверняка к тому времени кольца найдутся, — сказала мама и взяла меня за руку. — Пойдем, Джейми. Мы зайдем к мистеру Беркетту позже, а сейчас ему надо побыть одному.

Миссис Беркетт сказала:

— Не бывает зеленых индеек, Джейми, а у тебя даже и не индейка, а просто клякса, из которой торчат пальцы. Ты уж точно не Рембрандт.

Мертвым положено говорить правду, и это нормально, когда тебе надо о чем-то спросить и услышать ответ, но, как я уже говорил, иногда правда бывает паршивой. Я разозлился на миссис Беркетт, но она вдруг расплакалась, и мне захотелось на нее злиться. Она повернулась к мистеру Беркетту и сказала:

— Кто теперь проследит, чтобы ты не пропускал петельку сзади на штанах, когда вдеаешь ремень? Долорес Магован? Ага, ждите. — Она поцеловала его в щеку... или воздух рядом с его щекой, я толком не разглядел. — Я любила тебя, Марти. И люблю до сих пор.

Мистер Беркетт поднял руку и потер то место, которого она коснулась губами, словно у него зачесалась щека. Наверное, именно так он и подумал.

* Не за что (*исп.*). — Здесь и далее примеч. пер.

2

Так что да, я вижу мертвых. Сколько я себя помню, столько и вижу. Но не так, как в том фильме с Брюсом Уиллисом. Это может быть интересно, может быть страшно (как с тем дяденькой в Центральном парке), иногда это бесит, но обычно все происходит вполне буднично. Просто таким я родился. Вроде того, как люди рождаются левшами, или уже в три года проявляют способности к исполнению классической музыки, или страдают болезнью Альцгеймера с ранним началом, как это случилось с моим дядей Гарри, когда ему было всего сорок два года. В шесть лет мне казалось, что сорок два — уже старость, но даже тогда я понимал, что это все-таки рановато, чтобы забыть, кто ты такой. Или забыть, как называются все окружающие предметы — почему-то именно это пугало меня сильнее всего, когда мы ездили навещать дядю Гарри. Его мысли не утонули в крови от кровоизлияния в мозг, но они все равно утонули.

Мы подошли к нашей квартире, 3С, и мама открыла дверь. Ей пришлось повозиться с ключами, потому что дверь запиралась на три замка. Мама однажды сказала, что такова цена красивой жизни. У нас была большая шестикомнатная квартира с видом на Парк-авеню. Мама называла ее нашим «Пар-

ковым дворцом». Дважды в неделю к нам приходила уборщица. Мамин «ренджровер» стоял в гараже на Второй авеню, и иногда мы на нем ездили в Спеонк к дяде Гарри. Благодаря Риджису Томасу и некоторым другим авторам (но в основном все-таки старому доброму Риджису) мы жили, что называется, на широкую ногу. Так продолжалось недолго, вскоре все изменилось — и не в лучшую сторону, — о чем я еще расскажу. Теперь, глядя в прошлое, я иногда думаю, что жил как бы в романе Диккенса, только с нецензурной бранью.

Мама бросила на диван сумку с рукописью и усе-лась сама. Диван издал звук, как будто кто-то перднул. Обычно он нас смешил, но в тот день нам было не до смеха.

— Пипец, — сказала мама и тут же шлепнула себя по губам. — Ты...

— Я ничего не слышал, — быстро проговорил я.

— Хорошо. Надо бы завести себе ошейник с электрошокером, чтобы меня било током каждый раз, когда я матерюсь при ребенке. Чтобы была мне наука. — Она выпятила нижнюю губу и сдула с глаз челку. — Мне надо прочесть еще двести страниц новой книги Риджиса...

— Как она называется? — спросил я, уже зная, что в названии обязательно будет присутствовать слово «Роанок». Оно было в названиях всех его книг.

— «Дева-призрак Роанока». Кстати, вполне неплохая книга. Одна из лучших у Риджиса. Куча се... поцелуйчиков и обнимашек.

Я сморщил нос.

— Прости, малыш, но взрослым тетенькам нравятся все эти трепещущие сердца и горячие бедра. —

Она посмотрела на сумку, в которой лежала рукопись «Девы-призрака Роанока», стянутая, как обычно, несколькими канцелярскими резинками. Эти резинки постоянно рвались, в связи с чем мама всегда выдавала изрядную порцию своих лучших ругательств. Многие из которых я использую до сих пор. — Мне сейчас совершенно не хочется ничего делать, разве что выпить бокал вина. Или даже целую бутылку. Мона Беркетт была та еще язва, и, возможно, ему без нее будет лучше, но сейчас он убит горем. Надеюсь, у него есть какие-то родственники, а то меня как-то совсем не прельщает выступить в роли главной утешительницы.

— Она тоже его любила, — сказал я.

Мама странно на меня посмотрела.

— Да? Ты так думаешь?

— Я точно знаю. Она обругала мою индейку, но потом заплакала и поцеловала его в щеку.

— Тебе померещилось, Джеймс, — сказала мама, но как-то не слишком уверенно. Тогда она уже знала, не сомневаюсь, что знала, но взрослым трудно поверить в то, что им кажется невозможным, и я объясню почему. Когда еще в детстве они узнают, что Санта-Клауса не существует, Златовласка — не настоящая девочка, а пасхальный заяц — сплошная выдумка (это лишь три примера, я могу привести больше), у них образуется комплекс, и они перестают верить в то, чего не видят своими глазами.

— Не померещилось. Она сказала, что я никакой не Рембрандт. А кто это?

— Художник, — ответила мама и опять сдула с глаз челку. Не знаю, почему она не подстриглась короче

или не изменила прическу. Ей пошла бы любая прическа. Мама всегда была очень красивой.

— Когда мы пойдем к мистеру Беркетту, даже не заикайся о том, что, как тебе кажется, ты увидел.

— Хорошо, — сказал я, — но миссис Беркетт была права. У меня получилась паршивая индейка.

Честно сказать, я расстроился.

Видимо, это отразилось у меня на лице, потому что мама раскинула руки.

— Иди ко мне, малыш.

Я подошел и обнял маму.

— У тебя очень красивая индейка. Я в жизни не видела таких красивых индеек. Я повешу ее на холодильник, и она останется там навсегда.

Я еще крепче сжал маму в объятиях, уткнулся лицом ей в ключицу и вдохнул запах ее духов.

— Я люблю тебя, мам.

— Я тоже тебя люблю, Джейми, очень-очень люблю. А теперь иди поиграй или посмотри телевизор. Мне надо сделать кучу звонков по работе, а потом мы закажем китайской еды и пойдем к мистеру Беркетту.

— Хорошо. — Я пошел в свою комнату, но остановился в дверях. — Она положила кольца в шкаф в коридоре, на верхнюю полку, за старыми альбомами.

Мама уставилась на меня, открыв рот.

— Зачем ей так делать?

— Я спросил, и она мне ответила, что не знает. Сказала, что ее мысли уже утонули в крови.

— О боже, — прошептала мама и схватилась рукой за шею.

ПОЗЖЕ

— Подумай, как лучше сказать ему, где лежат кольца. Чтобы он не волновался. Можно мне курицу в сладком соусе?

— Можно, — кивнула мама. — Но с коричневым рисом, не с белым.

— Да-да-да, — сказал я и пошел играть с «Лего». Я строил робота.